УДК 343.7
DOI 10.25688/2076-9113.2019.35.3.05

С.Н. Чурилов

Об аморальности обмана как средства получения достоверных показаний

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы о допустимости обмана при производстве допроса как тактического средства получения от недобросовестного допрашиваемого полных и правдивых показаний. Автор отстаивает мнение, что допущение обмана при производстве этого следственного действия противоречит общепринятым нормам морали и нравственности, ибо он во всех случаях сопряжен с сообщением допрашиваемому ложной информации.

Ключевые слова: допрос; конфликтность ситуации; обман; аморальность обмана; следственные хитрости; психологические ловушки; запрет обмана.

Допрос в системе средств собирания и проверки доказательств в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу играет исключительно важную роль. Показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, эксперта, специалиста, полученные следователем, дознавателем либо судом в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, являются самостоятельным видом доказательства (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) и наряду с другими видами доказательств имеют важное значение для достоверного установления обстоятельств исследуемого события.

Допрос при кажущейся на первый взгляд простоте его проведения представляет собой одно из самых трудных следственных действий. Успех допроса напрямую зависит от уровня профессионализма субъекта доказывания. Поэтому криминалисты вполне справедливо называют допрос искусством. Невозможно повторить во всех деталях тот же допрос в силу особенностей личности иных допрашиваемых и уникальности дающихся ими показаний в сходных ситуациях. Искусство допроса в полной мере проявляется в обстановке активного противодействия допрашиваемого установлению обстоятельств уголовного дела. Если в бесконфликтной ситуации целью применения тактических приемов является получение достоверных и полных показаний, оказание содействия добросовестно заблуждающемуся допрашиваемому в припоминании забытого, то в конфликтной ситуации при активном противодействии подозреваемого, обвиняемого, а иногда свидетеля и потерпевшего установлению истины применяется весь комплекс тактических приемов в целях нейтрализации противодействия, побуждения дать показания, изобличения во лжи. Поэтому

© Чурилов С.Н., 2019

в данной ситуации от субъекта расследования требуются не только высокие теоретические знания, но и достаточный опыт применения в ходе допроса всего арсенала тактических приемов, разработанных криминалистической тактикой и апробированных практикой.

В этой связи следует обратиться к уголовно-процессуальному закону, указывающему на запрещенные способы получения показаний. Так, ч. 4 ст. 164 УПК РФ предписывает, что при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер. Это одно из общих правил производства следственных действий, в том числе допроса. Что же касается общих правил проведения допроса, то ч. 2 ст. 189 УПК РФ запрещает задавать наводящие вопросы. В остальном, как говорится в этой норме закона, следователь свободен при выборе тактики допроса.

На противоречивость и неточность формулировок этих норм неоднократно указывалось на страницах криминалистической литературы. Действительно, угроза как разновидность психического насилия может быть правомерной и противоправной. Разумеется, неправомерные угрозы во всех случаях недопустимы. Но закон допускает правомерные угрозы, обязательные для исполнения допрашивающим. К ним относится угроза уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Правомерным психическим насилием над личностью лгущего подозреваемого, обвиняемого, свидетеля является изобличение его во лжи путем предъявления ему имеющихся в уголовном деле доказательств. Умелое предъявление доказательств в сочетании с другими тактическими приемами загоняет в угол допрашиваемого, который, бесспорно, испытывает при этом определенное психическое насилие, побуждающее его говорить правду [3: с. 161].

Действующий уголовно-процессуальный закон обошел стороной вопрос о том, допустим ли при допросе обман. Об этом термине в законе не упоминается. Но еще без малого сто лет назад советский криминалист И.Н. Якимов, рассмотревший тактику допроса и его психологические основы, обращаясь к следователю, писал: «…не следует при допросах прибегать ко лжи, к заведомо неправильным утверждениям, к лицемерию и хитрости, утверждать об неизвестном как об известном и доказанном» [6: с. 114]. С позиции общепринятых норм нравственности это мнение ученого не вызывает возражения. Действительно, обман в указанной И.Н. Якимовым форме аморален.

По словарному определению, под обманом понимается то же, что ложь. Слово «обмануть» означает «ввести в заблуждение, поступить недобросовестно по отношению к кому-нибудь» [4: с. 422]. С нашей точки зрения, именно такое понимание обмана должно быть общепринятой нравственной оценкой обмана со стороны следователя, умышленно передающего допрашиваемому ложную информацию. Например, является аморальным оформление явки с повинной подозреваемого в тех случаях, когда он задержан по подозрению в совершении преступления либо вызван к следователю повесткой. В данном случае следователь сознательно вводит подозреваемого в заблуждение,

сообщая ему ложную информацию о том, что он в случае оформления явки с повинной может рассчитывать на смягчение меры уголовного наказания. Не менее аморальным является обещание следователя, данное обвиняемому, в обмен на дачу им правдивых показаний повлиять в его интересах на прокурора или судью при определении срока лишения свободы, заведомо зная о невозможности выполнения такого обещания. Вообще, любой способ передачи ложной информации допрашиваемому следует считать обманом. Иная позиция по данной проблеме заключается в том, что при преобладающем значении общественных интересов над интересами отдельных лиц допускается возможность «временного введения в заблуждение лиц, противостоящих следователю» [1: с. 15]. Р.С. Белкин первоначально поддержал эту точку зрения, и мы с ним были вполне согласны, но лишь применительно к ситуации, не связанной с производством допроса, когда необходимо провести задержание вооруженного и готового на все преступника и обман во имя предотвращения гибели людей и т. п. не приобретает аморального характера [3: с. 162]. Такая ситуация может сложиться, например, при проведении специальной операции по освобождению заложников, захваченных преступником.

Рассмотрение проблемы допустимости в ходе допроса обмана по отношению к допрашиваемому мы не стремимся проводить абстрактно-теоретически, в отрыве от реалий следственной практики. В реальной обстановке весьма распространенным тактическим средством являются так называемые следственные хитрости и психологические ловушки, под которыми в криминалистической тактике понимаются тактические приемы допроса, применяемые в острых конфликтных ситуациях. К ним относится *создание таких условий, при которых допрашиваемый составит неправильное представление о степени осведомленности следователя по поводу тех или иных обстоятельств дела, состоянии расследования, его намерениях*. Не прибегая к ложным утверждениям, этого же можно достичь путем отказа сообщить данные, которые желает выведать допрашиваемый, умолчания, реплики, сокрытия действительного положения дела, постановки разнообразных вопросов, которые способны породить те или иные догадки у допрашиваемого [5: с. 101]; *использованием фактора внезапности*, сутью которого является постановка неожиданного вопроса, не связанного с предыдущими вопросами и ответами, на который допрашиваемый должен дать немедленный ответ, либо неожиданное для него заявление следователя о намерении произвести после допроса конкретное следственное действие, которое представлялось допрашиваемому невозможным по той или иной причине, а также неожиданное предъявление доказательств; *допущением легенды*, заключающимся в том, что допрашиваемому предоставляется возможность беспрепятственно излагать свои ложные показания с последующим пресечением лжи. *Пресечение лжи* — тактический прием, применяемый следом за допущением легенды в сочетании с *внезапностью, последовательностью* — последовательным предъявлением допрашиваемому доказательств с нарастающей их силой; *методом отвлечения внимания*

или косвенным допросом, суть которого состоит в том, что следователь, сомневаясь в том, что получит правдивые показания на основной интересующий его вопрос, задает ряд других вопросов, менее опасных с позиции допрашиваемого, в надежде получить нужный ответ и на основной замаскированный вопрос; *форсированием темпа допроса*, лишающим допрашиваемого возможности обдумывания ответа, и *применением инерции*, под которой понимается незаметный перевод допроса из одной сферы в другую в расчете на то, что допрашиваемый по инерции проговорится; также используются методы *выжидания, заполненности* и *вызова*. «Выжидание» заключается в том, что в ходе допроса следователь делает перерыв для того, чтобы в психическом состоянии допрашиваемого произошли желаемые для следователя изменения под влиянием оказанного воздействия. «Заполненность» означает подчеркивание следователем невыясненных мест в деле, вызывающее у допрашиваемого стремление заполнить пробелы в соответствии с логикой. «Вызов» преследует цель побудить допрашиваемого к объяснению логическим путем с позиции своей линии обстоятельств, обеспеченных доказательствами.

Перечисленные тактические приемы, применяемые в конфликтной ситуации допроса в определенном сочетании, не противоречат критериям допустимости, так как при их применении от следователя не исходит ложная информация. На наш взгляд, не является аморальным, безнравственным и такой прием, как создание следователем условий для ошибочной оценки того или иного обстоятельства допрашиваемым, действительно причастным к этому обстоятельству. Речь идет о создании следователем ситуации, при которой не передается ложная информация, но она может быть оценена недобросовестным допрашиваемым ложно при полной для него свободе выбора.

О.Я. Баев, описывая сущность этого приема, приводит следующие примеры. Жена подозревалась в убийстве мужа. О совершенном преступлении, как полагал следователь, знала дочь. Однако на допросе дочь заявила, что ничего об убийстве отца не знает и вместе с тем утверждала, что говорит правду. По окончании допроса следователь вышел с допрашиваемой из кабинета и, прощаясь с ней, сказал так, чтобы слышала ожидавшая свою дочь мать: «Спасибо, ваши показания очень важны для нас. Хорошо, когда люди говорят правду». Тут же в кабинет была приглашена мать, которая, решив, что дочь дала правдивые показания, рассказала о совершенном убийстве.

Аналогичным образом в целях обнаружения скрываемых объектов следователь прибегает к следственной хитрости, связанной с использованием аналогов и макетов вещественных доказательств. Иллюстрацией сущности следственной хитрости, направленной на обнаружение скрываемых объектов, служит взятый из следственной практики пример следующего содержания. В качестве подозреваемого по делу об изнасиловании несовершеннолетней Т. был задержан некто Артамонов. На первом допросе в РОВД он полностью отрицал факт совершения преступления. К началу второго допроса был произведен осмотр места происшествия (садового домика семьи потерпевшей), в ходе

которого была изъята часть обоев с проколами от ножа. Согласно показаниям потерпевшей, в процессе совершения преступления виновный угрожал ей ножом, при этом ударял им в стену. Потерпевшая дала подробное описание характерных признаков этого ножа. На основании ее показаний был подобран нож, похожий на тот, который был у виновного. Второй допрос подозреваемого Артамонова был начат с выяснения вопросов его биографии. При этом не затрагивались обстоятельства совершения преступления. На столе следователя среди других предметов и канцелярских принадлежностей лежал нож, подобранный с учетом показаний потерпевшей. Беседуя с допрашиваемым, следователь передвинул этот нож и стал затачивать им карандаш. Подозреваемый сразу же насторожился и спросил: «Что это у вас за нож?» Следователь ответил: «Разве вы не узнаете?» Артамонов сказал: «Узнаю, а как вы его нашли?» В свою очередь, следователь спросил: «А что, разве его невозможно найти?» Допрашиваемый лишь сказал: «Значит, нашли…» — и дал подробные показания о том, как он совершил преступление и как затем спрятал нож под печку у себя дома. Впоследствии из-под печки в доме Артамонова был изъят спрятанный им нож [7: с. 74].

Эти примеры следственных хитростей не содержат в себе обмана, не противоречат общепринятым нравственным и эстетическим требованиям к тактическому приему. Следственные хитрости применяются только к лицам, в отношении которых можно предположить умышленное сокрытие или искажение искомой информации.

Итак, обман допрашиваемого в процессе допроса аморален. Следственные хитрости, обладающие избирательностью их воздействия только на лицо, дающее ложные показания, с правовой и нравственной точки зрения вполне допустимы. Признание же возможности «временного введения в заблуждение лиц, противостоящих следователю» при преобладающем значении общественных интересов над интересами отдельных лиц, как это делает В.А. Бабич, открывает «шлюзы» для всевозможных ухищрений следователя, сопряженных с явной ложью при проведении допроса. Благая цель следователя, заключающаяся в получении от допрашиваемого полных и достоверных показаний, не должна оправдывать незаконные средства.

В одной из последних своих работ Р.С. Белкин при толковании обмана как тактического средства получения правдивых показаний от допрашиваемого в ситуации со строгим соперничеством сместил акцент в пользу группового общественного мнения профессионалов о том, что обман допустим, что применяемые следователем хитрости и ловушки основаны на обмане. При этом Р.С. Белкин делает оговорку: «Другое дело, что допуская возможность обмана, можно его определенным образом ограничить, указать, на чем он никогда не может основываться, какие средства обмана будут признаваться безусловно недопустимыми, абсолютно безнравственными». В основу критерия допустимости обмана им положено сопоставление моральных выигрышей и проигрышей, получаемых при обмане [2: с. 737]. На наш взгляд, хитрости

и ловушки, к которым прибегает следователь в ходе допроса, не являются обманом, поскольку они никогда не могут основываться на ложной информации. В противном случае мы имеем дело именно с обманом. Представляется, только таким должно быть принципиальное решение этого вопроса.

Допущение обмана в уголовном судопроизводстве как тактического средства ведения допроса по своей пагубности равносильно возведению в прошлом в науке уголовного процесса признания обвиняемым своей вины в ранг «царицы доказательств». Чем это обернулось для социалистического общества, всем хорошо известно.

По нашему убеждению, ч. 2 ст. 189 УПК РФ должна содержать запрет не только задавать допрашиваемому наводящие вопросы, но и сообщать ему заведомо ложную информацию, а ч. 4 ст. 164 УПК РФ должна запрещать при производстве следственных действий применение неправомерного насилия.

Литература

1. *Бабич В.А.* Проблема этической допустимости тактических средств при расследовании преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 1980. 22 с.

2. *Белкин Р.С.* Избранные труды. М.: Норма, 2009. 768 с.

3. *Белкин Р.С.* Очерки криминалистической тактики: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1993. 200 с.

4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. 928 с.

5. *Ратинов А., Адамов Ю.* Лжесвидетельство. М.: Госиздат, 1976. 135 с.

6. *Якимов И.Н.* Криминалистика. Уголовная тактика: Общая часть. М., 1929. 312 с.

7. *Якушин С.Ю.* Тактические приемы при расследовании преступлений. Казань: Изд-во Казанского университета, 1983. 104 с.

Literatura

1. *Babich V.A.* Problema e’ticheskoj dopustimosti takticheskix sredstv pri rassledovanii prestuplenij: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Minsk, 1980. 22 s.

2. *Belkin R.S.* Izbranny’e trudy’. M.: Norma, 2009. 768 s.

3. *Belkin R.S.* Ocherki kriminalisticheskoj taktiki: ucheb. posobie. Volgograd: VSSh MVD RF, 1993. 200 s.

4. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovy’j slovar’ russkogo yazy’ka. M.: Az, 1995. 928 s.

5. *Ratinov A., Adamov Yu.* Lzhesvidetel’stvo. M.: Gosizdat, 1976. 135 s.

6. *Yakimov I.N.* Kriminalistika. Ugolovnaya taktika: Obshhaya chast’. M., 1929. 312 s.

7. *Yakushin S.Yu.* Takticheskie priemy’ pri rassledovanii prestuplenij. Kazan’: Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1983. 104 s.

S.N. Churilov

On the Immorality of Deception as a Means of Obtaining Reliable Evidence

The article considers the controversial issue of the admissibility of deception during questioning as a tactical means of obtaining full and truthful testimony from an unfairly interrogated person. The author persists in the opinion that the admissibility of deception during this investigative action contradicts the generally accepted norms of morality and ethics, because in all cases it is associated with giving the interrogated the false information.

Keywords: interrogation; conflict situation; deception; the immorality of deception; investigative tricks; psychological traps; ban on deception.